

Г. Г. ЛИТАВРИН

О ДВУХ ХИЛБУДАХ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО*

Как известно, наиболее богат информацией о ранних славянах тот пассаж сочинения Прокопия «О войнах», в котором византийский писатель рассказывает об имперском полководце Хилбуде (Χιλβούδιος) и о его тезке анте-самозванце. Отвлекаясь от основной линии повествования, Прокопий попутно сообщает ценнейшие сведения об образе жизни, нравах и обычаях склавинов и антов, об их религиозных представлениях, характере поселений, общественном устройстве, об отношениях их племенных объединений друг с другом и с самой империей¹. В данной заметке мы остановимся лишь на одном сюжете указанного рассказа Прокопия — на эпизоде с двумя Хилбудами, поставив своей целью еще раз рассмотреть спорный вопрос об этническом происхождении византийского стратига Хилбуда.

Стремясь сделать ход наших дальнейших рассуждений максимально доступным читателю, приведем вкратце важнейшие факты, сообщаемые Прокопием о двух Хилбудах.

В конце 20-х годов VI в. на службе Юстиниана I выдвинулся некий Хилбуд, который был близок ко двору императора (τις ἐκ τῆς Ἰουστινιανοῦ βασιλέως οἰκίας), являлся знатной персоной (ἄνδρὸς ἐπιφανοῦς) и видным полководцем. Поразительным его качеством являлось то, что он, будучи храбрым в боях, был более чем равнодушен по отношению к обладанию какими-либо богатствами. На 4-м году правления (т. е. после 1.IV 530 г.) Юстиниан назначил его «стратигом» (префектом претория) провинции Фракия, повелев воспрепятствовать славянам (склавинам и антам), а также протоболгарам переходить через Дунай и грабить земли империи. Занимая этот пост в течение трех лет, Хилбуд не только отразил набеги «варваров», но и стал сам часто вторгаться в их земли на левом берегу, избивая и захватывая в плен врагов, для которых скоро стало страшным само имя Хилбуда. Наконец, склавины устроили ему засаду, стянув большие силы, и когда Хилбуд переправился через Дунай с небольшим отрядом, окружили его. Большинство ромеев погибло в неравном бою (в 533 г.), в том числе и Хилбуд. С тех пор «варвары» стали нападать, когда хотели: «державая ромеев», как оказалось, не смогла сделать того, что было доступно «доблести одного мужа». Через несколько лет (Χρόνῳ δὲ ὕστερον)² между склавинами и антами вспыхнула война, в которой анты проиграли. В ходе войны один из склавинов взял в плен молодого анта по имени Хилбуд. Благоволивший к нему хозяин сделал его своим соратником в боях с врагами. Хилбуд оказался храбрым воином, спасал в беде хозяина, и хотя он оставался невольником, о нем разнеслась большая слава. В то время (между 540 и 545 гг.), когда анты со склавинами уже помирились, анты совершили набег на Фракию. Среди уведенных ими в плен был один ковар-

* *Procopii Caesariensis Opera omnia/Recens. J. Naury. Lipsiae, 1863, v. II, p. 353.12—360.4 (VII, 13—14).*

¹ Об этих сюжетах рассказа Прокопия см.: *Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия. — В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985.*

² Вопросы датировки мы оставляем в стороне, ориентируясь на Ф. Баршича (Византийски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. 1, с. 23—33, 188). Полагаем, однако, что войну антов со склавинами и набег антов на Византию нельзя датировать одним и тем же годом, например 540-м: между этими событиями прошло, видимо, не менее 3—4 лет.

ный (*хакхорос*) ромей, попавший к доброму господину. Ромей сообщил по секрету хозяину, что у склавинов в рабстве находится бывший стратиг ромеев Хилбуд, о чем склавины не догадываются. Следовало бы выкупить его у склавинов и получить за него у императора и славу, и большие богатства. При этом, как заверяет Прокопий, раб-ромей шел на заведомый обман господина, рассчитывая втайне благодаря своей интриге добыть себе свободу и не видя других путей к избавлению от плена. Господин поверил и вместе с рабом совершил путешествие к склавинам. Хозяин Хилбуда продал своего соратника-невольника за «большие деньги». Дома же, у нового господина-анта, Хилбуд в ответ на распросы рассказал правду о своем пленении и заявил, что теперь, находясь «в земле отцов», он стал «свободным по закону». Раб-ромей убедил, однако, огорченного господина, что Хилбуд боится сознаться, кто он на самом деле, так как находится «среди варваров» и боится их, тогда как в земле ромеев гордился бы своим именем. Как ни хранил в тайне от других ант-господин свои дела с выкупленным Хилбудом, это стало известно соотечественникам. Дело показалось им столь важным для всех, что они созвали собрание и, угрожая, заставили Хилбуда сознаться в том, что он полководец ромеев. Как раз в это время (в 545 г.) к антам прибыло посольство Юстиниана I. Император предлагал им в дар как бывшие владения ромеев запустевшую и разоренную крепость Туррис (Турну Магуреле?) на левом берегу Дуная с окружающими землями, обещая всяческую помощь при поселении здесь и много денег, если они как союзники империи будут препятствовать гуннам (протоболгарам) нападать на земли Византии. Анты выразили готовность принять предложение при одном условии: если в Туррисе с ними будет Хилбуд, снова поставленный стратигом ромеев. Видя такой оборот дела и исполнившись надежд, молодой ант «сознался», что он — полководец Хилбуд. Ради всего этого Хилбуд был отправлен в Константинополь, следуя туда как раз в то время, когда ромей организовали отпор очередному набегу склавинов. На пути Хилбуд неожиданно встретился с полководцем ромеев Наресом. Тот, вступив в разговор с самозванцем, быстро разоблачил его, хотя он говорил по-латыни и тщательно имитировал заученные им особенности поведения своего тезки, и в оковах доставил в столицу империи.

Есть все основания особо отметить, что изложенный выше рассказ Прокопия обладает высокой степенью достоверности. И в годы службы Хилбуда в качестве префекта претория (?) Фракии (530—533 гг.), и позднее историк был близок к высшим воинским и придворным кругам. В 532 г. он находился в самом Константинополе, как и в 545 г., когда завершилась история с ангом-самозванцем. Да и писал свой труд Прокопий по горячим следам событий: к 550 г., едва через 5 лет после рассказанного им эпизода, труд Прокопия «О войнах» (по крайней мере включая интересующую нас 7-ю книгу) был завершен³.

В историографии (особенно в славистической) Хилбуда-полководца нередко уверенно рассматривают как славянина (анта) по происхождению⁴. Высказываются, однако, и вполне обоснованные сомнения: прямых сведений на этот счет у Прокопия действительно нет. На середину 1970-х годов основные доводы обеих сторон были коротко суммированы и оценены Г. Диттеном. В пользу первой точки зрения, по мнению этого исследователя, с некоторой долей вероятности можно истолковать само имя «Хилбуд», совпадавшее с именем пленника склавинов, бесспорного анта Хилбуда (Г. Диттен ссылается при этом на приведенную Т. Маретичем⁵ форму славянского имени «Милбуд»). Не лишено значения также то, что Прокопий, говоря о храбрости и доблестях полководца Хилбуда, осо-

³ См.: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 146—160.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.— ВДИ, 1939, № 1, с. 330 и след.; *Византиски извори...*, т. 1, с. 23—33, 188; *Петров П.* Образоване на българската държава. София, 1981, с. 33, 53.

⁵ *Маретич Т.* Славени у давнини. Загреб, 1889, с. 35.

бо подчеркивает его бескорыстие как качество, совершенно несвойственное представителям высшей знати империи того времени ⁶. На чужеземное (неромейское) происхождение стратига Хилбуда намекает, на взгляд Г. Диттена, также эпизод с антом-самозванцем, хотя этот намек высказан у Прокопия косвенно (indirekt). Стремясь к строго выверенной, объективной позиции, Г. Диттен специально отмечает, что факт участия Хилбуда в боях со склавинами и антами не может служить доводом против славянского происхождения этого военного (участие «варваров» на службе империи в войнах со своими соотечественниками — явление ординарное для того времени, многократно отмеченное в трудах того же Прокопия).

Особо выделяет Г. Диттен и те свидетельства Прокопия, которые использовались как доводы против славянского происхождения стратига (префекта претория — ?) Фракии Хилбуда. Это прежде всего указание историка на то, что он был «знатной персоной» и принадлежал до назначения на указанный пост к «дому» (?) или «двору» (?) Юстиниана (выше мы привели эти выражения Прокопия). Опираясь именно на эти данные, М. Ю. Брайчевский уверенно заявляет, что этот Хилбуд был «византийским полководцем, притом человеком, близким к императорскому двору... и к тому же знатым лицом... Считать его антом нет никаких оснований (хотя само имя его можно считать славянским)» ⁷. Сравнив эти две позиции, сам Г. Диттен склоняется все-таки к первой точке зрения, хотя и с колебаниями — «wenn er slawischer Herkunft war, wie anzunehmen ist» ⁸.

Итак, нам предстоит, во-первых, показать, насколько убедителен только что приведенный аргумент против славянского (антского) происхождения Хилбуда, и, во-вторых, выяснить, исчерпаны ли полностью все данные Прокопия на этот счет в исторической литературе.

Что касается первой задачи, то совершенно очевидно, что решающее значение имеет истолкование употребленного Прокопием термина οἰκία (дом? двор? дворец? усадьба? вилла? и т. п.). Было бы напрасной тратой времени исследовать значение термина οἰκία безотносительно к словарю самого Прокопия. Сам же этот византийский писатель дважды использовал слово οἰκία в другом месте в значении «усадьба», «владение», «дом» в широком смысле как совокупность владений вместе с находящимися в них и подвластными хозяину обитателями: Велисарий командовал не только вверенными ему императором войсками, но и сам выставил 7 тысяч всадников «из (своего) дома» (ἐκ τῆς οἰκίας) ⁹. Упоминает Прокопий и об отроке-готе ἐκ τῆς Τουτίλα οἰκίας, сопровождавшем спасавшегося бегством господина (τῷ δεσπότη) ¹⁰. В выражениях, сходных с теми, в которых сказано о стратиге Хилбуде, говорит Прокопий и о возлюбленном Антонины, жены Велисария, Феодосии «из подворья некоего из евнухов» (ἐκ οἰκιδίου τῶν τινος εὐνούχων) ¹¹ (всякая мысль о каком-либо близком родстве Феодосии с евнухом вряд ли здесь уместна вообще). Итак, для нас представляется очевидным, что ссылка на факт принадлежности Хилбуда к «дому» Юстиниана не может служить доводом против славянского происхождения этого приближенного к императору человека.

⁶ Со сходным удивлением Прокопий пишет о доблестях своего современника, имперского полководца, герула по происхождению — Фараса. См.: *Procop. Caesar. Opera omnia*, v. I, p. 436.29—31. (IV, 4, 29). О похвальных отзывах Прокопия в адрес военачальников-«варваров» по происхождению см.: *Удальцова З. В.* Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». — В кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1953, с. 39, 40.

⁷ *Брайчевский М. Ю.* К истории расселения славян на византийских землях. — ВВ, 1961, XIX, с. 129.

⁸ *Ditten H.* Slawen im byzantinischen Heer von Justinian I. bis Justinian II. — *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus/* /Hrsg. v. H. Köpstein, F. Winkelmann. B., 1976, S. 78.

⁹ *Procop. Caesar. Opera omnia*, v. II, p. 301, 2—3 (VII, 1, 20).

¹⁰ *Ibid.*, p. 658. 22—23 (VII, 32, 24). Оба эти случая нам указаны С. А. Ивановым, которому мы, пользуясь случаем, хотим выразить здесь благодарность.

¹¹ *Procop. Caesar. Historia arcana*/Ed. H. Mihăescu. București, 1972, p. 44. 17—18.

Что же касается вопроса о знатности Хилбуда, то мы не разделяем категоричности суждения М. Ю. Брайчевского, хотя его и поддержал Г. Диттен¹². Юстиниан I действительно не останавливался перед продвижением на высокие посты способных и нужных ему людей, не взирая на их социальное происхождение. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что привлечь благосклонное внимание императора и его доверенных людей имел больше шансов не простой воин-храбрец, «варвар» по происхождению, а именно отличавшийся среди «варваров», помимо прочего, знатностью своего рода, тем более что такие видные «варвары»-изгои и переребечики являлись на службу империи во главе отряда своих соотечественников или иных «варваров», как, например, полководцы Юстиниана I Мунд и Фарас¹³. Так что предположение Б. А. Рыбакова, что стратиг Хилбуд мог принадлежать к родовой антской знати, скорее закономерно, чем произвольно.

Теперь мы попытаемся показать, что информативные возможности повествования Прокопия о двух Хилбудах, в том числе об этническом происхождении префекта претория (?) Фракии, отнюдь не исчерпаны. Коренятся эти возможности, на наш взгляд, в логике поведения (как она отражена у Прокопия) участвовавших в эпизоде с антом-самозванцем лиц, как византийцев, так и славян (при этом, разумеется, нельзя забывать, что утонченный византийский автор, сколь он ни презирал «варваров», нигде в своих трудах не отказывал им в способности логически мыслить). Иными словами, мы постараемся конкретизировать тот косвенный намек на славянское происхождение полководца Хилбуда, который имеется в рассказе Прокопия и о котором вскользь упомянул Г. Диттен.

Прокопий основывал свою версию истории с самозванцем, скорее всего, на показаниях членов антского посольства 545 г. в Константинополь, прибывшего сюда вместе с вернувшимися византийскими послами и вместе с лжестратигом, и на результатах дознания по делу «коварного» ромей, который также тогда был доставлен в столицу империи и подвергся обвинению и со стороны византийских деятелей, и со стороны антов как главный виновник возникшего недоразумения, грозившего осложнениями в установлении столь необходимых империи в то время союзнических отношений с антским племенным объединением. Осложнения, видимо, действительно имели место: анты не приняли предложения Юстиниана I обосноваться в Туррисе, поскольку Хилбуд оказался не опытным прославленным (страшным и склавином, и протоболгарам) полководцем, а подозрительным самозванцем, всего лишь простым, хотя и храбрым, воином-антом. Тем не менее инцидент не помешал оформлению союзнических отношений антов с империей — именно 545-м годом датируют заключение союза антов с Византией, который они соблюдали вплоть до 602 г., когда сам термин «анты» в последний раз упоминается в византийских источниках¹⁴. В этой ситуации пленник анта — ромей явился «козлом отпущения», весьма удобной обеим сторонам фигурой для обвинения, на мнимое, как мы попытаемся показать, коварство которого и была взвалена вся вина за опасную путаницу.

Придерживаясь этой официальной версии событий, Прокопий неоднократно противоречит сам себе. Ромей будто бы заранее знал, что молодой пленник склавинов — ант не был полководцем, но и не страшился разоблачения, толкнув господина на путешествие к склавином, на крупные расходы и участвуя в доставке анта на его родину, в места расселения его соотечественников. Господин ромей будто бы верил и тому, что Хилбуд боится сознаться, кто он, находясь «среди варваров», и тому, что император дает «варварам» большой выкуп за своих плененных ими полководцев. Как следует из сказанного, стратиг Хилбуд — как будто не «вар-

¹² Брайчевский М. Ю. Указ. соч., с. 129—130.

¹³ *Procop. Caesar. Opera omnia*, v. I, p. 62.11—12 (I, 13, 19); 131.7—8 (I, 24, 41).

¹⁴ Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: *Byzanz im 7 Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus*. B., 1978, S. 93.

вар», но, согласно логике рассказа Прокопия, даже византийские послы не распознали, что «варвар» Хилбуд — не имперский полководец.

Все эти и иные несоответствия в рассказе Прокопия находят, по нашему мнению, вполне логичное объяснение лишь при признании того факта, что всем участникам рассматриваемых событий было отлично известно о «варварском» происхождении стратига Фракии Хилбуда.

Мы представляем себе ход событий следующим образом. Убившие стратига Хилбуда в своей земле склавины прекрасно знали его, вплоть до его характерных манер и особенностей поведения (именно во время пребывания в плену у склавинов молодой ант не только изучил латинский воинский жаргон, общаясь с ромейскими пленниками¹⁵, но и личные привычки своего тезки). Поэтому склавинам и в голову не могло прийти путать этих двух лиц. Сделать это могли прежде всего византийцы, в боях с которыми, т. е. на имперской территории, юный ант и добыл себе воинскую славу, которая разнеслась в первую очередь среди ромеев, чему способствовало совпадение имен: досужая молва превратила погибшего стратига в перебежчика к «варварам» — «пока Хилбуд был с ромеями, они одолевали славян, а теперь, когда он со славянами, стали терпеть поражения». Поверить в это было легко именно потому, что и стратиг был славянином по происхождению. Эту версию о стратиге Хилбуде плененный антами ромей знал еще до набега антов на империю и искренне верил в нее. Поэтому-то ни его, ни его господина не смутило — при самом близком и непосредственном знакомстве с выкупленным Хилбудом — его явно «варварское» (антское) происхождение. Не смущало, как видно, это обстоятельство впоследствии также и других антов и самих византийских послов (именно потому, подчеркиваем еще раз, что они знали об антском происхождении стратига Фракии). Поверить в то, что мнимый стратиг страшится признаться, кто он, можно было, по нашему мнению, также лишь по той причине, что он был антом и, отказавшись от власти своих соотечественников, боится испытать на себе их гнев, как изменник и предатель, возглавлявший ромеев в их вылазках на левый берег Дуная и беспощадно избивавший своих соплеменников. Такой образ мыслей, будь Хилбуд подлинным стратигом, как оказалось, не соответствовал истинным намерениям антов, но субъективно опасения пленника (и раба) представлялись бы вполне оправданными.

Обращает на себя внимание тот факт, что юный ант не нашел возможностей на родине убедительно доказать, что он соотечественник антов, их бывший соратник в битвах и теперь, в соответствии с законом, должен обрести свободу. Конечно, причиной этого была не только изоляция пленника в доме анта-господина. Следует, видимо, не упускать из вида свидетельство Прокопия о рассеянном характере поселений склавинов и антов, живущих вдали друг от друга на обширной территории¹⁶. По всей вероятности, выкупленный ант принадлежал не к тому племени или союзу племен антов, который располагался ближе к устью Дуная, а к более отдаленному. Контакты между разными антскими объединениями были, возможно, еще эпизодическими и устанавливались лишь на время совместных военных действий против общего врага (война со склавинами, набег на земли империи). Этим и можно объяснить, на наш взгляд, то обстоятельство, что выкупленный и доставленный к антам Хилбуд не мог апеллировать ни к сородичам, ни к знавшим его соплеменникам.

Что касается пленного ромея, инициатора всей истории с самозванцем, то его расчет обрести свободу по завершении всего дела и вернуться на родину, как явствует из повествования, ни у кого не вызывал сомнения, как и у самого Прокопия: видимо, ромей был убежден, что его добрый господин,

¹⁵ Напомним, что и протоболгарин Мавр, никогда не бывавший в империи, знал греческий язык еще до того, как там оказался в 680-х годах. См.: *Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Demetrius. I. Le Texte. P., 1979, p. 229. 18—22, 229.1—230.2.*

¹⁶ *Procop. Caesar. Opera omnia, v. II, p. 358.20—28.*

получив большой выкуп, с миром отпустит его из благодарности вместе с Хилбудом. Как позволяет догадываться текст в конце рассказа Прокония, расчет ромея почти оправдался — он, видимо, сопровождал Хилбуда в Константинополь и при дознании особенно упорно подчеркивал, что мечтал об избавлении из плена и рабства.

Поведение юного анта Хилбуда также не может найти объяснения без допущения, что и славянам, и ромеям было известно антское происхождение стратига. Сначала Хилбуд всеми силами стремился рассеять возникшее недоразумение: он хотел жить свободным на родине, у своих, кроме того, он опасался, что в империи ошибка антов обнаружится и на нем самым тяжким образом может отразиться гнев императора, затратившего на выкуп огромную сумму. На решительное изменение его позиции подействовало несколько обстоятельств: во-первых, он исчерпал все свои доводы, а ему угрожали уже все анты, участвовавшие в собрании и исполнившиеся больших надежд, с ним связанных; во-вторых, с приездом византийского посольства он убедился, что и сами ромеи допускают его идентичность с ромейским стратигом; в-третьих, в перспективе теперь была не чреватая опасностью его выдача ромеям, а пребывание вместе с соотечественниками в Туррисе, да еще в роли военачальника пограничного ромейского отряда, который должен был помогать антам в борьбе с врагами империи (мы не думаем, что анты настаивали на «восстановлении» Хилбуда в должности префекта претория провинции Фракия)¹⁷. К тому же, судя по всему, и по внешнему виду, и по возрасту между обоими Хилбудами не имелось разительных отличий, хотя со времени гибели стратига прошло 12 лет: видимо, он погиб, будучи еще молодым человеком.

Согласившись играть чужую роль, согласно желанию искренне заблуждавшихся антов, Хилбуд все-таки боялся разоблачения — потому что он тщательно и заучил манеры и привычки погибшего стратига. Но его уловки не помогли. Примечательно, что и Нарсес раскрыл обман, так сказать, не с первого взгляда на «варвара»: не будучи, вероятно, знаком раньше лично с префектом претория Фракии, Нарсес отлично знал детали военных событий 30-х годов, в том числе событий, связанных с действиями истинного стратига Хилбуда, и в личной беседе с антом-самозванцем раскрыл обман. Суровость обращения Нарсеса с самозванцем (полководец, несмотря на то, что Хилбуда, конечно, сопровождали антские послы, заключил его в тюрьму и принудил обо всем рассказать, а затем доставил в Константинополь) ясно свидетельствует о том, что полководец, отличавшийся умом и талантом, придал происшедшему серьезное значение. Он, скорее всего, усмотрел в действиях антов сознательный обман, опасный для империи. Еще Г. Вернадский высказал предположение, что с помощью самозванца анты втайне рассчитывали обосноваться впоследствии во Фракии¹⁸. И эта точка зрения до сих пор находит себе сторонников¹⁹. Отрицать вероятность намерений антов уже в это время поселиться во Фракии, видимо, не приходится — все последующие отношения славян с империей подтверждают такого рода устремления «варваров». Однако мы не решаемся присоединиться к догадке Г. Вернадского, что такой

¹⁷ Таково заключение М. Ю. Брайчевского. Не разделяем мы и его мнения о том, что анты заняли Туррис и их господство здесь якобы закреплено империей юридически (*Брайчевский М. Ю.* Указ. соч., с. 128).

¹⁸ *Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1944, p. 170.* Давно известен найденный в Константинополе мраморный крест (его датируют VI в.). В надписи на нем сказано, что под крестом покоится «Хиливудис, сын Санватия. Умер 28 ноября 7-го индикта. Жена Хиливудиса» (см.: *Иванов И.* Надгробият надписи на Хилвуда.— В кн.: Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. — София, 1902, т. 62, с. 64.) После 533 г. (время гибели стратига Хилбуда) 7-й индикт в VI в. приходился на 543, 558, 573, 588 гг. Т. е., крест стоял на могиле не стратига Хилбуда, а, возможно, Хилбуда-самозванца, оставшегося до смерти в империи (если только датировка надписи VI в. верна), или же какого-то третьего Хилбуда (надо полагать, славян, в том числе антов, было на службе империи немало).

¹⁹ Византиски извори..., т. 1, с. 31, бел. 42; *Петров П.* Указ. соч., с. 53, бел. 47. Ср.: *Михайлов Е.* Склавины и анты в долнодунавските земи.— *Годишник на Софийския университет, Филос.-истор. фак-тет, 1972, т. 64, кн. III, с. 34—39.*

план анты задумали в надежде на интригу именно с самозванцем. Но если даже разделить и это предположение, следует с необходимостью признать, что оба Хилбуда были антами (т. е. славянами) по их этническому происхождению.

В заключение подчеркнем еще раз, что рассказ Прокопия дает все основания для вывода, что стратиг Хилбуд, обеспечивавший безопасность Фракии в 530—533 гг., был родом ант и оказался среди челядинцев Юстиниана (может быть, еще отроком или юношей, как пленник или перебежчик), доказав ему свою преданность и заслужив к 530 г. большое доверие императора. Не исключено, что к «дому» Юстиниана этот Хилбуд принадлежал еще до воцарения этого императора в 527 г.

Сообщение Прокопия, что набеги склавинов и антов на империю начались лишь в 527 г.²⁰, не опровергают сделанного предположения: 527 г. — дата не первых контактов Византии со славянами, а начала военных столкновений с ними. Пока, таким образом, мы не видим сколько-нибудь веских доводов против антского (славянского) происхождения имперского стратига Хилбуда.

²⁰ *Procop. Caesar. Historia arcana*, p. 148.20.